

В. Л. Васильев

ГОРОДОК *ДЕМОН* СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(История населенного пункта и этимология имени)

*The careful study of the historical documents and modern toponymy allows to reveal numerous variants of the name of the medieval small town Demon and to determine a hierarchy between them. In author's opinion there are reasons to consider the name as an ascendant from the lost appellative of Baltic origin *дһмя < *demen with the meaning 'dirt, mough'.*

Древнерусские письменные источники XV–XVI вв. – летописи, грамоты, писцовые книги – часто упоминают укрепленное поселение к юго-востоку от оз. Ильмень на реке Явонь (правый приток Пола, впадающей в Ильмень), находившееся вблизи южных рубежей древней Новгородской земли. В исторической документации городок на Явони обычно фигурирует под названием *Дѣмун* или *Демон*, реже под другими вариантами названия: *Демяна*, *Демен*, *Демян* и т. д. Столь частое обращение источников к данному поселению не случайно: оно свидетельствует о той значимой роли, которую в отмеченную эпоху играл указанный городок, возникший, вероятно, в качестве оборонительного форпоста в условиях постоянной угрозы со стороны юго-западных соседей-литовцев и вскоре ставший крупным административно-территориальным центром на новгородско-литовском пограничье.

Первое письменное упоминание укрепленного поселения на Явони содержится в обзоре древнерусских городов конца XIV в.: «А се имена градомъ всѣм Русскимъ, далнимъ и ближнимъ», помещенном в тексты разных летописей [НПЛ, 475–477; ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3, 623–624; 7, 240–241; 23, прил. 1, 163–164]. Среди «градов Залесских» вслед за Торжком отмечен пункт под названием *Демяна* (по другим летописным спискам – *Дѣмяна*, *Дѣмена*), а далее перечислены территориально близкие к нему Молвотицы, Березовец, Стержь, Морева, Велил и т. д. В. Л. Янин уточнил датировку наиболее раннего варианта указанного летописного обзора городов – между 1375 и 1381 гг. [см.:

Янин, 1995; 1998]; ориентируясь на эти даты, можно с уверенностью утверждать, что в последней четверти XIV в. городок на Явони уже являлся крупным стратегическим центром, известным в масштабах средневековой Руси.

В XV в. городок Демон неоднократно фигурирует в договорах Новгорода с Великим княжеством Литовским, заключенных в 1431, 1441–1442 и 1471 гг. Новгородско-литовские мирные договоры («докончания») закрепляют взаимоотношения сторон и, в частности, определяют пограничные новгородские волостные центры (Молвотицы, Кунско, Березовец, Стерж, Морева, Жабна и др.), обязанные платить в определенном размере налог, так называемую «черную куну», в литовскую великокняжескую казну. Демон не подлежал налогообложению, и составители «докончаний» сочли необходимым специально это подчеркнуть, имея в виду непосредственное соседство демонской территории с чернокунскими волостями¹. Так, в договоре Великого Новгорода с литовским князем Казимиром Ягеллончиком 1441–1442 гг.² читаем: «А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на Дѣмянѣ, ни на Снѣ, ни на Полоновѣ, не надоби брати чорна куна, ни иное ничто же» [ГВНП, 116, гр. № 70]. Эта формульная фраза переходит из документа в документ; в частности, она прослеживается и в более ранней грамоте 1431 г. – договоре с литовским князем Свидригайлом (здесь, к сожалению, текст сохранился в дефектном виде, требующем конъектурных дополнений, но название *Демян* восстанавливается легко), и в более поздней новгородско-литовской докончальной грамоте 1471 г. [см.: ГВНП, 106, гр. № 63; 131, гр. № 77].

Городок Демон в XV столетии не раз отмечается (как правило, в летописи) в контексте взаимоотношений Новгорода с Москвой. В 1441 г. московский великий князь Василий Васильевич (Темный) объявил новгородцам войну и пошел на Новгород по дороге, проходившей через Демон. Подойдя к городу, князь занял его. Новгородцы выслали к Василию Темному архиепископа Евфимия, бояр и жилых людей, прося о пощаде, и, встретившись с московским князем в Демоне, заключили мирный договор, заплатив изрядную контрибуцию: «8 000 рублей за свою вину, а оброки и пошлыны по старинѣ» [ПСРЛ, 4, ч. 1 (Новгородская четвертая летопись), вып. 3, 608; 5 (Псковские и Софийские летописи), 29]. Демонский мир Новгорода с Москвой 1441 г. упомянут далее в новгородской грамоте 1456 г., где фиксируется выплата последних 1 100 рублей контрибуции (всего Новгород откупился от московского нашествия 8 500 рублями) [см.: ГВНП, 43–44, гр. № 24]. Через 30 лет, в 1471 г., следующий великий князь московский Иван III после победы над новгородцами на реке Шелони отправился к Демону; здесь уже стоял полководец Ивана III князь Михаил Андреевич с сыном Василием, взявший с городка «окупу 100 рублей» [ПСРЛ, 4, 242; 6, 193; 8, 164, 166.]. В 1478 г. из Торжка через Демон снова прошла московская рать Ивана III, которая выдвинулась далее к южному берегу Ильменя (одновременно другое войско Ивана III прошло более северной, яжелбицкой дорогой, подойдя к Новгороду с восточной стороны) [см.: ПСРЛ, 6, 207; 8, 185]. После окончательного

¹ Нельзя, однако, исключать, что особые указания на Демон (Демян), Цну, Полново не просто связаны с территориальной смежностью, предполагающей отчетливое разграничение полномочий сторон. Данный факт мог бы подразумевать также былое вхождение территорий, подчиненных указанным центрам, в орбиту литовского влияния наряду с другими пограничными землями. Впрочем, это предположение нечем подкрепить документально.

² Хронологическое уточнение данного документа (1441–1442) дано в кн.: [Янин, 1991, 178].

разгрома Новгорода городок Демон был передан в 1482 г. во владение князю Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу от короля Казимира... а жены с собою не успел взять; и князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостми» [ПСРЛ, 7, 213–214].

Первое подробное описание Демона содержится в переписной оброчной книге Деревской пятины около 1495 г. Согласно описанию, Демон предстает небольшим провинциальным пунктом, состоящим из городища и посада: «На городище церковь Егорей Великий; на городище ж дв. поп Созон, дв. церковный сторож Михалко; на городище ж дв. наместничь. А на посаде: монастырь, а в нем церковь Успение Святые Богородицы; а в манастыре игумен Варлам. А на манастырской земле: дв. диаков Офоноско, дв. церковный сторож Огафоник; пашни у них нет. На посаде ж двор тиунъ». Кроме того, «на посаде у Дѣмана» отмечено несколько крестьянских пашенных дворов [НПК, 2, стб. 499–501].

По-видимому, в конце XV в. Демон уже не являлся столь значимым укрепленным центром, каким был он столетие назад, внесенный в список крупнейших русских крепостей под названием *Демяна*. Речь в писцовой книге идет, собственно говоря, даже не о городе, а о городище; данный термин применяли, как уже не раз отмечалось исследователями, преимущественно для указания на небольшие объекты, главным образом поселения, устроенные на месте прежних городов [см.: Лемтюгова, 1983, 89, 95]. Сыграло свою роль разорение Демона московскими войсками, но главным образом, видимо, то, что Демон отчасти потерял значение пограничной оборонительной крепости благодаря победам Москвы над Литвой в первые десятилетия после падения Новгорода. Московские власти сохранили за поселением роль регионального административного центра (как атрибуты этого в источнике 1495 г. указаны двор наместника и двор тиуна), которому подчинялся обширный одноименный округ Демон (Деман), включавший большое количество деревень. Деревни принадлежали разным землевладельцам, в том числе монастырям. К примеру, летопись упоминает близ Демона волость Благовещенского монастыря [см.: ПСРЛ, 6, 216; 8, 194], а в писцовых книгах описаны земли Демонского округа, принадлежавшие новгородским монастырям – Духовскому, Антонию [см.: НПК, 2, стб. 505, 581] и Рождественскому, за последним в Демонском округе в 1496 г. числилось 30 деревень [см.: ПКНЗ, 1, 86–88 (Выпись на вотчину Рождественского монастыря в Деманском уезде)].

В XVI в. городок Демон вместе с остальными новгородскими городами (Ивангород, Яма, Копорье, Орешек, Ладога, Кур, Порхов, Высокой, Кошкин, Руса) указан в двух духовных завещаниях: первое, датированное 1504 г., принадлежит великому князю Ивану Васильевичу; второе, составленное в 1572–1578 гг., – царю Ивану Васильевичу (Грозному) [см.: Неволин, 1853, 216–218]. Под 1569 г. летопись сообщает, что «с Демонского стану» должны поставляться корм и всякие запасы опричному войску Ивана Грозного, «коли с Москвы пойдет в Великий Новгород» [ПСРЛ, 3, 163]. По сообщению Боярской книги узнаем, что в городке Демон в 1555 г. еще находился наместник – Ждан Ондреев сын Вешнеков [АИЮС, 30].

Географический справочник 1627 г. – Книга Большому чертежу – указывает «на Явоне на реке монастырь Демон» [КБЧ, 155]. Известно, что Книга опирается на факты более раннего времени – материалы Старого чертежа, составленного «давно, при прежних государях», а именно в царствование Бориса Годунова (1598–1604) [КБЧ, 4], следовательно, сведения данного источника, относящиеся к Демону, были зафиксиро-

рованы скорее всего в самом конце XVI в. Показательно, что Демон фигурирует здесь уже не как городок, а как монастырь, в то время как все сопредельные пункты обозначены в качестве городов: город Холм, Руса, Великие Луки, даже Курск на Ловати [КБЧ, 155–156]. Очевидно, в конце XVI в. пункт на Явони настолько запустел, что уже не выполнял функций административно-территориального («городского») управления. В то же время находившийся возле городища на посаде монастырь продолжал действовать и являлся в глазах современников существенным топографическим ориентиром на судоходной реке Явонь и, кроме того, оставался символом недавнего административного прошлого Демона (значимость Демонского монастыря подчеркнута тем фактом, что другие провинциальные новгородские монастыри в Книге Большому чертежу не упомянуты).

В последующие эпохи письменные сведения о городке (монастыре) Демон перешли из разряда синхронных упоминаний в разряд исторических воспоминаний. К примеру, изданный в 1804 г. «Историко-географический словарь», отметивший, помимо прочего, монастырь Демон на реке Явони, всего лишь воспроизводит информацию все той же Книги Большому чертежу 1627 г. [см.: Щекатов, 1804]. Отсутствие сведений указывает на исчезновение монастыря в начале XVII в., что могло быть обусловлено пожаром, но скорее – внешним разорением, после которого монастырь уже не стали восстанавливать. Эпоха Смуты первой четверти XVII в. напрямую затронула Новгородские земли. Южнее и восточнее Ильменя действовали польско-литовские отряды, позднее к Селигеру подходили с севера шведы. Поэтому вполне вероятно, что уничтожение Демонского монастыря иноземным отрядом стало одним из многочисленных недокументированных эпизодов Смутного времени.

В конце XV – начале XVI в. поблизости от исчезнувшего средневекового городка Демона образовалось новое поселение на Явони, названное *Демянским погостом*, а позднее *Демянском*. Сейчас это значительный поселок, один из районных центров Новгородской области. В названии современного Демянска преемственно отразилось название прежнего Демона. Далее как раз прослеживаются происхождение и любопытные трансформации древних географических имен, связанных с указанными населенными пунктами.

* * *

Фактически наименования средневекового городка Демона, извлеченные из летописей, писцовых книг, многочисленных грамот и актов, составляют в совокупности пеструю картину: *Демон*, *Дѣмон*, *Дѣймон*, *Деимон*, *Демен*, *Демень*, *Демян*, *Дѣмена*, *Демяна*, *Демоны*, *Демены*, *Деман*, *Демань*. Топонимический ряд, как подчеркнута выше, продолжен в современных названиях поселка, районного центра на Явони: *Демянск*, *Демянск* (последнее встречается чаще в устной речи демянцев, но с XIX в. иногда прослеживается и на письме) и сугубо неофициальное, уже устаревшее *Демян*, которое по сей день можно порой услышать от пожилых жителей Демянска и Демянского района. Без сомнения, вся топонимическая совокупность – от *Демона* до *Демянска* – представлена формами одного корня, имеющими общий источник происхождения.

Значительная вариантность топонимических форм, вообще говоря, складывается исторически, в результате длительного использования географических названий, причем чем чаще топоним фиксируется письменностью, тем выше, как правило, его вариантность, ибо случайные искажения при записи рожают новый вариант. Разумеется,

нужно учитывать и внутриязыковые изменения. За разнообразием приведенных выше конкретных форм стоят разнообразные факторы: фонетические и морфологические преобразования частного порядка, вторичные переосмысления имен, написания, появившиеся в силу несовершенства русской графики либо по причине случайных aberrаций; такие написания, в свою очередь, могли устояться и даже повлиять на появление других топонимических вариантов. Главное – найти исходный вариант, отправную точку для этимологического анализа и для трактовки остальных форм.

Серьезных толкований географических имен *Демон... Демянск* еще не было. Неудачную попытку объяснить название поселка *Демянск*, райцентра Новгородской области, предпринял Е. М. Пospelов в своем недавно опубликованном топонимическом словаре: многочисленные летописные варианты рассматриваются автором как образования от форм православных имен *Дементиан* (производные *Дементин, Деменя*) или *Дамиан* (производные *Демьян, Демиан, Дема*); одно из таких образований – *Демяна* – считается лежащим в основе топонима *Демянск* [см.: Пospelов, 2001, 135].

Нужно отметить, что подобным образом обычно истолковывают название поселка и сами демянцы, видя в сопоставлении *Демянска* с личным именем *Демьян* естественно напрашивающееся и все объясняющее созвучие.

Эта антропонимическая версия не вписывается в закономерности топонимического словообразования, не учитывает последовательности и существа письменных фиксаций названия. Возникновение ойконимов от личных имен обычно подразумевает наличие притяжательной суффиксации (скажем, в *Демьяново, Демянино* от *Демьян, Деменя*), но этого в перечисленных формах как раз и нет; что же касается вариантов *Демень, Демань*, внешне как будто напоминающих древнерусские притяжательные формы (из **Демен-ь, *Деман-ь* ‘принадлежащий некоему *Демену, Деману*’), то на самом деле они единичны, случайны, а главное – не первичны, им предшествуют, как будет показано далее, другие, отнюдь не притяжательные формы. В письменной документации абсолютно доминируют варианты в единственном числе (*Демяна, Дѣмон, Деман*), выведение которых из личных имен противоречило бы принципам русской топонимической деривации. Антропонимы в чистом виде, не осложненные аффиксами, не производят названий населенных пунктов. Встречающиеся порой ойконимы, омонимичные личным именам, не имеют с ними непосредственной связи; так, например, г. *Владимир* происходит не от личного имени *Владимир*, а от древнего прилагательного *Владимирь* «Владимиров (город)», село *Георгий* в Новгородском Поозерье – не от личного имени *Георгий*, а по названию древней церкви.

Это заставляет искать иное этимологическое решение, тем не менее следует констатировать, что вторичная, ассоциативная связь данного названия с личным именем *Демьян*, безусловно, существует на протяжении многих столетий. Происхождение топонима вовсе не определяет своеобразия его дальнейшей эволюции. Различного рода фонетические ассоциации способны существенно преобразовать первичную форму, затушевывая этимологический смысл. Происходит своеобразная аттракция близких созвучий, приводящая порой к фонетической унификации этимологически различных слов. В нашем конкретном случае аттракция в наиболее законченном виде представлена в паре *Демьян* (неофициальное название поселка) – *Демьян* (личное имя), что становится основанием (хотя и мнимым) для объяснения первого *Демьяна* из второго.

Для дальнейшей трактовки отдельных вариантов ряда *Демон... Демянск* необходим поиск исходных форм. Старейшие упоминания древнего городка, как уже говори-

лось, содержатся в летописном обзоре русских городов, сохранившемся в нескольких списках. Топонимические варианты разнятся от списка к списку, однако несущественно, сохраняя между собой то общее, что отличает их от более поздних вариантов. Так, в древнейшем Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи фигурирует форма *Дѣмяна* [см.: НПЛ, 477], в Воскресенской летописи – *Демяна* [см.: ПСРЛ, 7, 241]. Без сомнения, подобные формы – с исходом на *-а* и с мягкостью согласного *м* во втором слоге – значились и в самых ранних, первоначальных списках летописного обзора, датированных концом XIV в. [см. об этом: Янин, 1995; 1998]. На базе указанных первичных форм возникли и закрепились последующие топонимические варианты. Весьма показательна, что современное название поселка на Явони отсылает именно к древнейшим летописным фиксациям (ср. ранние *Демяна*, *Дѣмяна* и современное *Демянск*), оставляя в стороне промежуточные исторические фиксации типа *Дѣмон*, *Деман*, обособленные твердостью согласного *м*. Сходство начальных летописных форм прежде всего с современным названием, отражающим живое произношение, свидетельствует о том, что в речи местного населения основа *Демян-* имеет длительную, по меньшей мере с конца XIV в., традицию бытования, является стабильной, не испытывавшей на протяжении многих столетий существенных фонетических метаморфоз.

Столь же древней является основа *Дѣмен-* (позднее *Демен-*): представляющий ее топонимический вариант *Дѣмена* зафиксирован в обзоре русских городов по Новгородскому списку Новгородской 4-й летописи [см.: ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3, 623–624], т. е. по существу синхронен вариантам *Дѣмяна*, *Демяна*. Но если топонимы с основой *Демян-* сохранились до сего дня, то названия с основой *Демен-* исчезают из более поздних письменных документов (XVI в.) и, очевидно, выходят из устного народного обихода.

Ранние топонимические варианты, оформленные по женской словоизменительной парадигме (*Дѣмяна*, *Демяна*, *Дѣмена*), быстро оказались вытеснены вариантами мужского рода. Форма *Дѣмян* мужского рода, к примеру, фигурирует уже в договорной грамоте Новгорода с Литвой 1441–1442 гг.; ср. в одном из списков договора написание топонима с «мужской» флексией местного падежа *-и*: «ни на *Демяни*, ни на *Цснѣ*, ни на *Полоновѣ*» [ПВН, 38] (в другом списке читаем: «ни на *Дѣмянѣ*, ни на *Снѣ*, ни на *Полоновѣ*» [ГВНП, 116, гр. № 70], с непоказательной флексией *-ѣ*, не дифференцирующей род). Одновременно, под 1441 г., появляется вариант мужского рода *Демен*, ср. в Софийской летописи: «А князь великий стоялъ подъ *Деменомъ*» [ПСРЛ, 5, 29]. Переоформление в *Дѣмян*, *Демен*, равно как и дальнейшее устойчивое закрепление словоизменительной парадигмы мужского рода в кругу смежных основ (ср. устойчивые *Дѣмон*, *Деман* и никогда *Дѣмона*, *Демана*) обязано скорее всего влиянию топографических терминов *город*, *городок* мужского рода на топонимы-приложения. Смысловое согласование *город*, *городок* в стереотипных сочетаниях с топонимами, склонными к варьированию, укрепило формальным включением последних в мужскую парадигму родовых терминов. Спорадическое появление вариантов множественного числа *Демены*, *Демоны* (ср.: «под *Демоны* великому князю вѣсть приде» [ПСРЛ, 4, 242]), по-видимому, связано с эффектом «размытой» локализованности, т. е. с указанием не только на сам пункт, но и на ближайшую округу.

Топонимические варианты с основой *Дѣмон-* (*Демон-*), с одной стороны, и основой *Дѣман-* (*Деман-*), с другой, объединены не только твердым характером *м*, но и

некоторым образом хронологией фиксаций, отражением их в одних и тех же исторических документах. Наиболее частотный вариант *Дѣмон* (реже без *ѣ* – *Демон*) появляется с середины XV в. и устойчиво фиксируется до начала XVII в. разнообразными источниками, созданными в Новгороде и за пределами Новгородской земли. Многократно *Дѣмон* в качестве наименования города присутствует на страницах Воскресенской летописи при описании походов московских князей на Новгород в 1441, 1471 и 1478 гг. и других событий. Название фигурирует в разных словоформах («*Дѣмонъ* взялъ», «к *Дѣмону* городу», «под *Дѣмономъ*», «противу *Дѣмона*», «в городе в *Дѣмону*», «на *Дѣмоне*», «у *Дѣмона*») и в составе прилагательного («*межь Дѣмонские* дороги и *Ажелбитцкие*») [см.: ПСРЛ, 8, 2, 111, 164, 166, 185, 194, 200; 7, 35, 193, 207, 216; НПЛ, 462]. Топоним *Дѣмон* встречается не раз в писцовой книге Деревской пятины 1495–1496 гг., указывая смежно то на городок, то на прилегающую к нему территорию [см.: НПК, 2, стб. 499, 502, 505, 513, 515, 516, 515–520, 527 и др.]. С XVI в. он почти исчезает из письменности, однако обнаруживается в Книге Большому чертежу 1627 г.: «монастырь *Демон*» [КБЧ, 155].

Реже встречаются в качестве наименований городка или подчиненного ему округа топонимические варианты с буквой *а* в основе: *Деман*, *Дѣман*, единично *Демань*. Они прослеживаются с конца XV в. и в XVI в. по материалам писцовых книг и актовой письменности [см., в частности: НПК, 2, стб. 501; ПКНЗ, 1, 86]³.

Краткий обзор фиксаций по историческим источникам убеждает в том, что топонимические варианты с твердым согласным *м* (*Дѣмон*, *Дѣман* и др.), во-первых, хронологически не первичны и, во-вторых, хронологически «не конечны»: они пропадают в XVII в. из синхронных письменных документов и не находят никакого подтверждения в современном живом обиходе (говорят: *Демянск*, *Демьян*, но никогда *Демон*, *Деман*). Как возникли данные варианты?

Появление хронологически вторичных, но широко распространенных форм с основой *Дѣмон-* (*Демон-*) было вызвано древнерусским преобразованием *е > о*, для которого длительное время не имелось адекватного письменного способа выражения. Переход *е > о* в позиции после мягких перед твердыми согласными (в основном под ударением) происходил с XII по XV в. На письме следы изменения *е > о*, как показывает материал и новгородских берестяных грамот, и актов Московской Руси, в наибольшей степени отражены в XIV–XVI вв. через написания буквы *о* вместо *е*; ср. *нобомъ* (по произношению [н'обом] из [н'ебом]), *Смона* [См'она], *рублово* [рубл'ов], *Стопаномъ* [Ст'опаном] и т. д. [см.: Зализняк, 1995, 56, гр. № 10, 413, 256]. Подобные написания, ставшие орфографической реакцией на новый переход *е > о*, не могли, впрочем, окончательно утвердиться: позволяя обозначить новую *о* (из *е*) при отсутствии буквы *ѣ*, они одновременно утрачивали важное указание на мягкость предыдущего согласного, нарушая слоговой принцип русской графики. Чтобы сохранить обозначение мягкости, орфография все же предпочла передачу новой *о* через букву *е* (затем и *ѣ*) (в противном случае имело бы место существенное противоречие между написанием и произношением).

³ Кроме этого, городок под названием *Деман* указан в духовных завещаниях 1504 г. и 1572–1578 гг., принадлежащих соответственно великому князю Ивану Васильевичу и царю Ивану Васильевичу [см.: Неволин, 1853, 216–217, 218].

Нет сомнения в том, что первоначальное *Дѣмен* (*Демен*) как название городка пережило отмеченный выше процесс перехода $e > o$: стало [Дем'он] из прежнего [Дем'ен], а в соответствии с орфографическими допущениями того времени стали писать *Дѣмон* (*Демон*) без обозначения мягкости перед *о* (в современных орфографических условиях написали бы *Демён*). Несмотря на то, что написание *Дѣмон* не отвечало реальному «мягкому» произношению, оно, тем не менее, утвердилось, стало устойчивой орфографической нормой данного конкретного топонима. Однажды появившись, письменная форма *Дѣмон* стала далее тиражироваться разными писцами и переписчиками. Лишь изредка устойчивая письменная норма нарушалась (особенно в новгородских летописях, более ориентированных на местную разговорную речь) написаниями типа *Дѣмен*, более адекватными произношению; ср. летописную запись «Съ Деменского стану» даже в середине XVI в. [ПСРЛ, 3, 163]. При этом фонологическая неустойчивость мягкости у согласного *м'*, присущая древнерусскому языку вообще, без сомнения, укрепляла норму написания слога [м'о] в виде *мо*, особенно в таком отчуждаемом классе слов, как топонимы. Ср., например, топонимы *Рамонь*, *Рамонье*, приведенные в известном словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева [2, 166], которые являют собой непривычную для нас запись широко распространенных топонимов *Рамень*, *Раменье* в «ёкающем» диалектном произношении (по нормам литературной орфографии – *Рамёнь*, *Рамёнье*), возникших из географических терминов *рамень*, *раменье* 'глухой лес, опушка леса' и др.; или того же плана неустойчивость мягкости *м* в терминах *рамешина*, *рамашина* 'небольшой островок среди других типов леса' [Там же].

С написанием *Дѣмон* тесно пересекается по происхождению и использованию в источниках написание *Дѣман* (*Деман*). Данный вариант родился в письменном языке в результате своеобразной графической контаминации: на базе более ранней формы *Дѣмян* (*Демян*) с наложением графического принципа необозначения мягкости *м*, уже освоенного в написании *Дѣмон*. Обнаруживается определенное соответствие фонетико-орфографических трансформаций исходных топонимических вариантов: *Дѣмен* (*Демен*) дали позднее *Дѣмон* (*Демон*) и вслед за ними аналогично *Дѣмян* (*Демян*) преобразовались в *Дѣман* (*Деман*). По произношению, однако, *Дѣман* (*Деман*) ничем не отличались от первоначальных вариантов.

Таким образом, рассмотренные топонимические фиксации, внешне отмеченные твердостью согласного *м*, являются поздними орфографическими двойниками исходных форм, близких к реальному произношению. Лишенные опоры в живой речи и не поддержанные развитием орфографии, они не могли долго сохраняться. В связи с общим упорядочением орфографических норм в XVII в. постепенно исчезает форма *Деман* (впрочем, даже в документации XVIII в. порой встречаются упоминания о *Демянске* как о центре *Деманского* уезда). Еще раньше пропадает из письменных исторических источников написание *Дѣмон*, поскольку сам объект, к которому оно относилось, перестал существовать (см. об этом ниже).

С учетом изложенных выше соображений остается признать, что для этимологического анализа представляют интерес только основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен-* (*Демен-*). Первый слог основ отмечен меной букв *ѣ/е*, которую можно было бы объяснить на первый взгляд простой неупорядоченностью древней орфографии, свободной взаимозаменяемостью букв, сославшись на то, что фонема *ѣ* на новгородской территории в XV–XVI вв. постепенно утрачивала самостоятельный статус в большинстве говоров

[см.: Филин, 1972, 170–172]. Дело, впрочем, обстоит сложнее. Уже сам по себе факт устойчивого написания буквы *ѣ* в топонимических вариантах скорее подразумевает, что оно имеет здесь этимологическую природу (которая, скажем заранее, абсолютно подтверждается логикой предлагаемой ниже гипотезы о происхождении данных основ). Мысль об исконности *ѣ* подтверждают также отдельные фиксации топонимов в виде *Деимон* и *Дѣмон* [см.: ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3 (Новгородская 4-я летопись: *Деимон*); АИЮС, 3, 80 («съехал с *Дѣимона*»)]. Единичность вариантов с буквосочетаниями *ei* и *ѣi* как будто дает повод говорить о случайных ошибках писцов, но скорее следует вести речь о графическом воплощении дифтонгических или дифтонгоидных аллофонов фонемы *ѣ* (типа *ei*)⁴.

Основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен-* (*Демен-*) фиксируются синхронно и длительное время параллельно друг другу проявляются в живой речи, формируя соответствующие топонимические варианты. Имело место их изначально сложившееся варьирование, пересечение в устном использовании. О причинах варьирования скажем позже, сейчас же отметим, что географические названия с указанными основами в ряде случаев, подобным образом пересекаясь, обнаруживаются на значительных территориях исконного восточно-славянского заселения. Все они объединены общим указанием на водные объекты – небольшие речки и озера, указания на иные объекты вторичны (подчеркнем еще раз: к ним этимологически не относятся названия поселений типа *Демьяново*, *Демино*, *Демехово* с притяжательным оформлением от антропонимов *Демьян*, *Деменя*, *Демех*, далее к древнецерковным именам *Дамиан*, *Дементян*, *Демид*).

Среди родственных названий необходимо отметить *Деменец*, озеро в бывшей Удомельской волости Бежецкой пятины (недалеко от верховий Мсты); на озере названные по нему удомельские деревни Никольского погоста: *Деменец* и *Другой Деменец* [ПКНЗ, 1, 198, 211]. На Псковщине зафиксировано три озера под названием *Деменец* в Вязовской волости Великолуцкого уезда, в Ежинской волости Опочецкого уезда и оз. *Демянское* в Загарской волости Великолуцкого уезда [ОПГ, 108, 138, 140]. В XVIII в. под названием *Деменка* отмечена речка, правый приток Смердомли в бывшей Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда (на карте-трехверстке второй половины XIX в. и на современных картах – *Демянка* и *Демьянка*). Указанная речка вытекает из озера, которое было известно по материалам Генерального межевания как *Демень* и *Демино* (ср.: «Деревня Погорелова... дачею при озере *Демине*, а речки Недожатки по обе стороны»; «Озеро *Демень*, 200 десятин, вокруг оногo суходол и вытекает из оногo речка *Деменка*» [ГМ, № 2819, 2836]); на карте-трехверстке XIX в. это озеро названо *Задемьянье*, на современных картах Хвойнинского района Новгородской области – *Задеменье*. Другое озеро *Демино* (*Деминское*) есть недалеко от города Холма (Крас-

⁴ Количество разнообразных рефлексов фонемы *ѣ* в новгородских говорах постепенно увеличивалось, что и стало, по мнению Ф. П. Филина, причиной падения на данной территории [см.: Филин, 1972, 172]. Среди многих аллофонов встречалось, помимо прочих, дифтонгическое воплощение фонемы «ять» в виде *ei*, которое позволяет видеть за буквосочетаниями *ei*, *ѣi* в *Деимонь*, *Дѣимонь* особое фонетическое содержание. Подобные написания, пожалуй, еще увереннее позволяют говорить о том, что в XVI в. сохранялась не только орфографическая, но и особая произносительная «ятевая» норма наименований древнего городка Демона.

ноборский сельсовет), хотя здесь следует иметь в виду и вероятность деривации от антропонимов *Дема*, *Демин*. Еще одна *Демянка*, приток Шелони, известна в Порховском районе Псковской области; эта речка течет из заболоченной низины, из озера, которое было зафиксировано в межевых материалах под названием *Демон*; позднее данный гидроним был нанесен на карты XIX в. и, в частности, отмечен О. А. Шкапским в работе начала XX в., посвященной описанию псковских озер на территории Бешковицкой волости Порховского уезда [ОПГ, 133].

Обращает на себя внимание соотношение псковских гидронимов *Демянка* – *Демон*, воспроизводящее ситуацию с рассмотренным выше *Демяном* и *Демоном*: здесь наблюдается аналогичное необозначение мягкости *м*, закрепленное в топониме и затушеванное его истинное прочтение в виде *Демён* (из *Демен*); из этой первоначальной формы пошло затем производное имя речки: *Деменка*, потом *Демянка*. Из Великолуцкой писцовой книги 1625–1627 гг. узнаем о другой псковской речке *Демянка* бассейна Ловати, на ней (и на р. Насве) стояла д. Земцова Горожанского стана Великолуцкого уезда; далее, согласно тому же источнику, в Никольском стане числилась д. *Демян* «над оз. *Демянем*»⁵ – в этом случае название деревни явно обусловлено первичным гидронимом.

Кроме того, на Псковщине известна р. *Деменница*, правый приток Черехи в бассейне реки Великой. Видимо, с этим водоемом следует отождествить средневековую речку *Демяница*, по которой получила название древнепсковская волость *Демяница*; на этой реке стоял («стояше на *Демяници*») ливонский магистр («местер Рижский») с войском, разоривший окрестную *Демяницкую* волость [см.: ПСРЛ, 4, 119; 5, 20]. Не исключено, что сходное название места – *Демьяницы*, фиксируемое новгородской меновой грамотой около 1456 г. в окрестностях Тесова (ср.: «А взялъ господинъ владыка Еуфимий... землю в Тесове, в *Демьяницах*» [ГВНП, 292, гр. 292]), тоже заключает интересующую нас гидронимическую основу, как и гидроним *Демьянцы*, озеро в бывшей Копылковской волости Новоржевского уезда (Псковщина) [ОПГ, 138] (впрочем, особенности оформления не исключают здесь деривацию и от омонимичного личного имени *Демьян*). Наконец, нельзя пройти мимо названия речки *Демянка* или *Демьянка*, а по писцовой книге – *Деманка* (ср.: «Деревня на *Деманке*» [НПК, 2, стб. 526] с уже известным графическим эффектом необозначения мягкости *м*), это протока из озера Мосылинского в реку Явонь на территории современного *Демянска*.

Родственные гидронимы зафиксированы также к югу от новгородских и псковских земель – в Поднепровье и Поочье. К ним, по-видимому, относится *Демьянка*, речка в бассейне Ворсклы на Украине [Маштаков, 1913, 73]. Но чаще на южной территории наблюдаем основу *Демен*- с ударным первым слогом: таковы *Деменка* (вариант – *Деминка*) – название двух разных речек в бассейне р. Сожь; *Деминка* в бассейне Припяти [Топоров, Трубачев, 1962, 56, 62]; речка *Демянка* и ручей *Демянской* в нижнем и среднем левобережном Поочье; река *Деменка*, левый приток Угры, в верхнем левобережном Поочье [Смолицкая, 1976, 39, 88, 203]. Последняя из перечисленных рек ранее именовалась также *Демена* (*Демина*), по ней получили свои названия известные по документам XV в. волость *Демена* и городище *Деменск*, ныне город *Спас-Деменск* в Калужской области [см.: Поспелов, 2001, 393–394].

⁵ Материал из Великолуцкой писцовой книги письма и меры Тимофея Бабарыкина да подьячего Евлампия Шатохина 134 и 135 (1625–1627) гг. дан по кн.: [Янин, 1998, 171, гр. № 110, рис. 9, 173, гр. № 493, рис. 9].

Перечисленные гидронимы не этимологизируются на материале славянских языков. Зато они объяснимы на почве балтийских языков, будучи распространенными еще в Прибалтике; ср. гидронимы: *Demenas, Dēmenas* – два озера в разных районах Литвы, сюда же литовские *Dēmė, Diemė* – названия рек, прусское *Demita* [см.: Lietuvas upių ir ežerų vardynas, 1963, 29; Vanagas, 1981, 84; Gerullis, 1922, 27]. Балтийские речные названия истолковывались на базе древнего апеллятива со значением ‘грязь, запачканное место’, связанного с современным лит. *dēmė* ‘пятно, клякса’, *dēmėtas* ‘пятнистый, в пятнах’ и др. [Savukynas, 1962, 5, 194]. Позже на данное мнение ссылались А. Ванас (объяснявший название литовской р. *Demė* [см.: Vanagas, 1981, 84]) и В. Н. Топоров при трактовке поочского гидронима *Деменка* [см.: Топоров, 1997, 295].

Действительно, значения ‘пятно (= грязное пятно)’ и ‘грязь’ соотносимы между собой, и при специализации слова в качестве местного географического термина топографические значения ‘загрязненное место’, гесп. ‘болотистое, сырое место’ вполне закономерны и ожидаемы. В целом следует считать, что перечисленная гидронимия от *Демен-*, *Демян-* репрезентирует основу балтийского происхождения **demen-* со значением ‘грязный, топкий’, продуктивным при номинации гидрообъектов – небольших речек и озер с топкими берегами и дном или находящихся в загрязненных болотистых местах. Как результат – большое количество водных названий, приведенных выше, причем этот ряд, очевидно, остается открытым. Этимологическая основа **demen-* выступает как осложненная, расширенная (**dem-en*). С ней коррелирует родственная основа *dem-* простой структуры: она представлена не только в лит. *Dēmė, Diemė* (см. выше), но и в названии псковской деревни *Демя*, которая, судя по современной карте Псковской области, расположена к западу от Великих Лук (деревня названа, очевидно, по близлежащему водоему), а также в нескольких новгородских гидронимах: *Демячка*, озерко 7,5 га в Хвойнинском районе (Ракитинский сельсовет) [см.: Приложение..., 1989]; речка *Демица*, приток озера Лимандрово; озеро *Демецкое* в бывшей Засыпенской волости Боровичского уезда, где фиксируется «пустошь Налудник... вокруг озера *Демецкого* и по обе стороны речки *Демицы*, вытекающей из одного озера...» [ГМ, № 410, 411].

Какова лингвотническая интерпретация изложенных фактов? Поскольку приведенные названия этимологизируются на балтийской почве, возникает мысль о балтийском гидронимическом субстрате. Однако значительное количество гидронимов, их широкий ареал (иногда в стороне от старых балтийских территорий), некоторые особенности формальной структуры имен позволяют в целом считать создателями данного гидронимического ряда самих славян, а не балтов и вести речь об апеллятивном заимствовании, отраженном в славянской гидронимии. Предположение об апеллятивном (а не о гидронимическом) заимствовании хорошо объясняет такие структурные особенности имен, как варьирование суффиксов *Демен-/Демян-* и подвижность ударения (на первом слог; ср. *Деминка* (< *Деменка*) или на втором – *Демянка*). Что касается прямого усвоения славянами балтийского гидронимического субстрата, то оно вероятно лишь для отдельных названий данного ряда.

Говоря о заимствовании, в качестве балтийского слова-источника мы подразумеваем прежде всего субстантив со значением ‘грязь’, продолженный позднее в лит. *dēmė* ‘пятно’, а у славян представленный в форме **дѣмя* (ср. приведенное выше пск. *Демя* и его прямые дериваты в новг. *Демячка, Демица, Демецкое*). При этом долгая узкая балтийская фонема **ē* была закономерно замещена славянской фонемой *ѣ*, имеющей сходное качество и происхождение (из праслав. **ě*). Как раз древние написания

типа *Дѣмена*, *Дѣмяна* и другие, рассмотренные выше, могут отражать фактическую реальность *ѣ* как фонемы-субститута. Балтийское заимствование включилось в парадигму исконно славянских слов на *-мя-* (< *-*men-*) типа *сѣмя*, *племя*, *тѣмя*, *стрема*, *имя* и т. д., поскольку близость фонетической оболочки, особенно наличие *t* в исходе основы, благоприятствовала именно такому типу морфологической адаптации. Ср. сходную адаптацию фин. *salmi* ‘пролив’, которое, будучи заимствованным в древнерусский язык, оформилось по типу основ на *-мя:* в виде *соломя* ‘пролив, проток, проход между двумя островами’; от него, в частности, пошло название озера в Торопце – *Соломено*, буквально «проточное» [см.: Филин, 1972, 533–534].

Воспринятый от балтов термин приобрел в древнерусском языке все те парадигматические свойства, которыми характеризуются слова на *-мя* как при словоизменении (ср. *имя* – *имени* – *именем* – *имена* и т. д.), так и при словообразовании (ср. *именной*, *именины*, *именинник*). Однако в говорах, особенно северно-русских, начиная с XV в. наращение *-ен-* конкурирует с *-ян-*, которое возникло путем контаминации флективных элементов (*им-я* + *им-ен-и* = *им-ян-и*); поэтому в актовой письменности того времени написания *времени*, *имяни*, *племяни*, *знамянемъ* и т. д. – не редкость [см.: Хабургаев, 1990, 76–77]. С особой устойчивостью контаминированное наращение *-ян-* характеризовало формы множественного числа. Так, современный литературный язык отражает его в формах *стремьян*, *семян* (наряду с *имен*, *племен*, *знамен*, *времен* и т. д., но, см., например, еще у Пушкина: «Хваленых дедовских *времен*»), а также в производных адъективах и других дериватах. Благодаря появлению нового *-ян-*, перетягивавшего на себя ударение, возникли колебания гласных в словах *стременной* и *стремьянный*, *стремьянка*, *именной* и *безымянный*, *теменной* и диал. *темянный*, *племенной* и *племянник*, диал. *племянный*, *семенной* и *семянка*, *временной* и *временка* и др.

Балтийский по происхождению термин **дѣмя*, включенный в парадигму основ на *-мя*, тоже, надо полагать, был отмечен колебанием элементов *-ен-/ян-*, характерным преимущественно для северно-русских говоров. Поэтому в северной (новгородско-псковской) гидронимии, образованной на базе данного термина, наличествуют обычно варианты основы *Демен-* и *Демян-* (*Деменец* и *Демянка*, *Деменица* и *Демяница*) со смещением ударения на *-ян-*. Что касается территорий Поочья и Поднепровья, то здесь чаще представлен более ранний вариант *Демен-*, не затронутый контаминацией и последующим сдвигом ударения.

Когда исходный термин вышел из употребления, этимологическое значение гидронимических основ *Демен-*, *Демян-* оказалось забытым. Тогда появилась возможность ассоциативного сближения с личным именем *Демьян*, благодаря которому внутри некоторых географических названий развился эпентетический *j*; ср. колебания *Демянка/Демьянка*.

Возвращаясь к названиям средневекового городка *Дѣмена* (*Дѣмяна*), позднейшего *Демянска*, включенным в контекст рассмотренной гидронимии, можно уверенно констатировать их вторичный, «перенесенный» характер. Поселение было названо по смежному гидрообъекту. На первый взгляд это речка *Демянка*, протекающая по *Демянску*, известная с конца XV в. Но *Демянка* по своей форме – производный гидроним, называющий незначительную протоку (1,5 км длиной) из оз. Мосьлинского в р. Явонь. Столь небольшие протоки обычно названы по питающим их более крупным и заметным озерам. Отсюда появляются более веские основания полагать, что источником переноса имен послужила не речка *Демянка*, а ее исток – крупное озеро Мось-

линское. Иначе говоря, озеро, называемое сейчас *Мосылинским* (по деревне *Мосылино*, появившейся на ее берегу, ныне вошедшей в состав Демянска), некогда носило название с основой *Дѣмен-* (или *Дѣмян-*), означавшей ‘грязь, топь; грязное, топкое’. Этот древний озерный гидроним в конечном итоге и обусловил вариантную топонимию средневекового городка Демон (ср. аналогичные переносы близкородственных форм на других территориях, отраженные сочетанием смежных названий, в частности: д. *Деменец* на оз. *Деменец* или д. *Демян* «над оз. *Демянем*»⁶). Весьма показательно, что семантика основы *Дѣмен-* (*Дѣмян-*) соответствует физико-географическим качествам Мосылинского озера. Достаточно процитировать выдержку из его описания середины XIX в.: «Озеро Мосылинское, чрезвычайно топкое, грязное и тиноватое, берега плоские и по местам топкие, глубиной не более сажени, богатое рыбой» [Новгородский сборник, б]. Местные жители добывали из озера сапропель – ил для удобрения огородов.

Итак, вырисовывается следующая картина. Древнее имя озера, расположенного у северо-восточной окраины современного Демянска, послужило основой названия речки *Демянки*, соединяющей озеро с р. Явонь, а также названия близлежащего поселения, которое впервые фиксируется письменными источниками в конце XIV в. как городок *Дѣмяна*, *Дѣмена*, *Демяна*. Наличие *ѣ* объяснимо наследованием долгого узкого **ē* балтийского слова-этимона, колебание *-ен-/ян-* достоверно трактуется вхождением балтийского заимствования в парадигму славянских слов на *-мя* (< **men*). На базе первоначальных топонимов по разным причинам со временем появляется большое количество вариантов, среди которых есть и чисто графические (*Дѣмон*, *Дѣман*).

Большое количество архаических водных названий с топоосновами *Дем-*, *Демен-* (*Демян-*), этимологизируемых на балтийской почве, но обнаруживаемых в основном на территории древнего восточно-славянского заселения, позволяет поставить интересный для исторической лексикологии вопрос о существовании в далеком прошлом исчезнувшего ныне апеллатива, усвоенного славянами от балтов.

АИЮС – Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. М., 1861.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГМ – Генеральное межевание 1785 г. (материалы взяты из топонимической картотеки К. В. Гарновского: Названия Боровичского уезда Новгородской губернии (хранится на кафедре математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

КБЧ – Книга Большому чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Лемтюгова В. П. Восточнославянская ойконимия апеллативного происхождения. Минск, 1983.

Маиштак П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

⁶ Пункты на территории средневекового Никольского погоста Бежецкой пятины (*Деменец*) [см.: ПКНЗ, 1, 198, 211] и Никольского стана Великолуцкого уезда 1625–1627 гг. (*Демян*) [см.: Янин, 1998, 173, гр. № 493 на рис. 9].

- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. Т. 2. М., 1999.
- Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.
- Новгородский сборник. Вып. 3 / Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865.
- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862.
- НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОПГ – Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение): С картографией озерных районов / Сост. О. А. Шкапский. Псков, 1912.
- ПВН – Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Вахрушина. М., 1909.
- ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999.
- Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стер. М., 2001.
- Приложения... 1989 – Приложения к распоряжению новгородского облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования, 1988–1996. М., 1997.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
- Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Щекатов.* Историко-географический словарь. СПб., 1804.
- Янин В. Л.* К вопросу о дате составления обзора «А се имена градомъ всѣм Русскимъ, далнимъ и ближнимъ» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 125–134.
- Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.
- Янин В. Л.* Новгородские акты 12–15 вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
- Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Lietuvos upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- Savukynas B.* Ežerų vardai // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1962. T. 5.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

* * *

Валерий Леонидович Васильев – доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка Новгородского государственного университета.